

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

**Сорокин В.В., Васильев А.А.,
Куликов Е.А., Беденков В.В.,
Волкова О.Е.**

**Пути оздоровления
правосознания российского
общества: консервативный
взгляд**

Электронный ресурс

URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/2015-Sorokin-Vasilyev.pdf>

**Перепечатка с сайта Вестника
алтайской науки
<http://vestnik.altkibd.ru/>**

URL:<http://www.civisbook.ru>

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ и Алтайского края, проект №14-13-22008/13 а(р)

Библиографический список

1. Кулиш В.В., Матвеева Н.А. Функционирование исторической памяти учащейся молодёжи: монография. – Барнаул : АлтГПА, 2014.
2. Кулиш В.В. Формирование семейной исторической памяти в школе: учебно-методическое пособие / В.В. Кулиш; науч.ред. Н.А. Матвеева. – Барнаул : АлтГПА, 2014.
3. Кулиш В.В. Социальная дифференциация функционирования исторической памяти в жизненном самоопределении выпускников // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – №12.
4. Матвеева Н.А. Инерционность системы образования в России (теория, методология и опыт социологического исследования): Монография. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2004.
5. Абрамкина С.Г., Еньшина Н.А. Проявление исторической памяти студенческой молодёжи в сфере семьи и досуга // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – № 4. – С. 375-378.
6. Матвеева Н.А. Современная система образования и воспитания молодёжи : инерционность против турбулентности // Модернизация профессионально-педагогического образования: тенденции, стратегия, зарубежный опыт : материалы международной научно-практической конференции; г. Барнаул, 13 – 15 октября 2014 годы / под ред. М.П.Тыриной. – Барнаул : АлтГПА, 2014. – 338 с. – С. 132-134.
7. Растова Л.М. Ценностное отношение учащихся к школе (социологический аспект) // Вестник АлтГПА. – 2014. – № 19. – С. 57-60.
8. Рыжикова Л.В. Роль учителя в формировании жизненных планов выпускников школ // Модернизация профессионально-педагогического образования: тенденции, стратегия, зарубежный опыт : материалы международной научно-практической конференции; г. Барнаул, 13 – 15 октября 2014 годы / под ред. М.П.Тыриной. – Барнаул : АлтГПА, 2014. – 338 с. – С. 307-309.
9. Морозова Ю.Е. Информационно-культурное пространство как макрофактор социализации молодёжи // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – № 4. – С. 378-380.

УДК 34.01

ПУТИ ОЗДОРОВЛЕНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: КОНСЕРВАТИВНЫЙ ВЗГЛЯД

Сорокин Виталий Викторович, Васильев Антон Александрович, Куликов Егор Алексеевич,
Беденков Владимир Владимирович, Волкова Ольга Евгеньевна

Ключевые слова: правосознание, архетипы, нигилизм, совесть, традиция, консерватизм, традиционализм, правовое воспитание.

Правовым идеалом в отечественном традиционализме выступала не борьба за естественные права человека, а свободное, добровольное принятие человеком требований нравственно-правового характера. Приоритет консерваторами отдавался развитию духовности, правосознанию человека, которое в эпохи кризиса и дефективности положительного права, обеспечивает сохранение порядка, мира и справедливости в общественной жизни. В таких случаях непосредственным регулятором жизни становятся не предписания формального законодательства, а наполненное высшими абсолютами правосознание личности.

Совестное переживание права берет свое начало в православной концепции о целостном духе, едином сознании, сочетающем разум, волю и чувства. Православие, чтущее идеалом духовной жизни внутреннее духовное, сердечное делание, правильность поступков связывает не с буквальным следованием канонам, законническим предписаниям, а с их обусловленностью совестным актом человека. Если европейский рационализм, в том числе католицизм, совершенство человеческих поступков определяли рациональным критерием – совпадением действия и религиозного, правового текста, то православная традиция справедливость поведения

человека искала в его подчинении высшим, абсолютным началам, заложенным в сердце человека.

В таком контексте совестное действие права представляет собой не первенство эмоций или психологических фантазмов, а действие в едином, целостном виде всех внутренних сил человеческой души в целях поиска истинного решения в конкретной жизненной ситуации, далеко не всегда определяемой писаным правилом поведения. Открытие такой истины происходит вследствие душевного напряжения и работы как интуитивное прозрение – озарение, вспышка, обнаруживающая присутствие в человеке божественной правды.

Совесть как средство регуляции человеческого поведения не ограничивается лишь выбором правильного варианта внешнего поведения, но и оказывает мощное, энергическое воздействие на сознание человека. Открытие истины, прозрение правды – своего рода благодать, приобщение человека к тайне божественного замысла, приносящее духовное совершенство человеку. Однако, действие человека не по совести в правовой ситуации может и не иметь внешних негативных последствий. В таком случае, человек с развитой совестью или с ее остатками будет переживать внутреннее духовное потрясение – муки, угрызения совести. Как справедливо отмечается психологами, православными мыслителями, медиками, муки совести могут привести к психологическим и физиологическим заболеваниям, расстройству здоровья и даже смерти. Такое самонаказание оказывается куда более серьезным, действенным, чем внешние государственные меры репрессии за совершенные правонарушения.

Современные исторические исследования архаических обществ подтверждают определяющее значение совести в регуляции человеческого поведения. Нарушение запретов, табу не только влекло общественное осуждение и меры наказания, но и оказывало более мощное воздействие на сознание человека, нередко приводя к болезням и смерти. Так, И.Л. Честнов, рассматривая вопрос о происхождении запрета инцеста, пишет: «Во всех известных примитивных обществах нарушение запрета половых связей внутри рода равноценно смерти. Нарушитель сам умирает или заболевает, по крайней мере. Объяснить этот поразительный факт рациональным соображением о выгоде половой связи «на стороне», конечно, невозможно»[1].

Сводя право к правосознанию, духовно-нравственной области человеческого сознания, консерваторы признают predeterminedность правосознания религиозными началами, вложенными в дух человека самим Богом. Такая объективность существования права как идеи восходит к христианской традиции. В одном из посланий апостол

Павел говорил о естественном праве – законах Божьих, вписанных в сердца людей. Иными словами, правосознание человека, чувство правоты, правда, совесть проникнуты высшими, сверхчеловеческими религиозными идеалами, позволяющими в конкретных жизненных ситуациях отыскивать единые, правильные для всех людей юридические решения. С другой стороны, традиционалисты в соотношении правосознания и положительного права первенство отдавали правосознанию как творческой и сущностной основе права. Высшим этапом в развитии они считали тот, при котором люди достигают порядка за счет развитого, одухотворенного правосознания, а не с помощью обращения к закону и силе принуждения. И.А. Ильин, говоря о цели права как достижения нравственно-правового самообязывания, по этому поводу писал: «Положительное право исполняет свое назначение тогда, когда простое осознание его правил слагает в душе человека мотив к его соблюдению, т.е. тогда, когда индивидуальный дух приемлет его в порядке самообязывания»[2].

Развитое и крепкое правосознание и воспитанное чувство совести делают излишним внешний закон и создают такое положение, когда порядок в обществе достигается путем автономного самоограничения человеком своего поведения. И, напротив, дефекты правосознания, слабая и глухая совесть вызывают к жизни положительное право для обуздания зла и преступлений, являющихся следствием духовного повреждения человеческого общества.

Совестный механизм действия права на первый взгляд не отличается от нравственной ответственности – действия внутреннего закона собственной совести при отступлении от этических предписаний. Принято считать, что именно для нравственности характерно автономное, внутреннее регулирование поведения человека через два уровня воздействия: внешний – стыд (общественное осуждение) и внутренний (совесть). Для права же характерна лишь внешняя сторона действия – государственное принуждение. Для отечественных консерваторов очевидно, что право также как мораль имеет внутренний, совестный аспект. С одной стороны, нравственность и право тем самым сливаются в единый регулятор общественного поведения. С другой стороны, право и нравственность несут в себя различные, хотя и неразделимые ценности. Право служит справедливости, а нравственность – добру, а вместе они стремятся к нравственному совершенству личности – свободному принятию истины и братской жизни в соборной общине людей.

По мнению большинства русских охранителей, совестное переживание права оказывается более глубоким, мощным и даже можно сказать более

эффективным. Поступок человека в противоречии с правом, несмотря на наличие государственного принуждения, сам по себе вызывает совестный акт. Причем борьба с собственной совестью может быть более личностно важна и остра, чем претерпевание мер юридической ответственности. Так, Ф.М. Достоевский в своей повести «Честный вор» показал, что отказ от правосудия, применения мер ответственности не влияет на духовные и нравственные страдания, которые переживает правонарушитель. В повести писателя вор и пьяница Емеля, украв вещь у своего кормителя, оказывается честным, поскольку его не оставляют муки совести. В произведении показано, какие невыносимые страдания переживал вор после кражи – плач, отказ от пищи, болезнь и, в конце концов, смерть. Причем, герой произведения – потерпевший, зная о том, кто совершил преступление, не прибег к полицейским и судебным процедурам, а подверг правонарушителя более серьезной каре – угрозым совести.

Традиционная для России концепция превосходства совести, правды над законом позволяет по-иному взглянуть на роль формального закона и нравственного воспитания. Для консерваторов было очевидно, что одним лишь законом, пусть и необходимым и юридически отточенным, проблему преступности не решить. Закон сам следствие слабости души людей, но и не средство исправления душ. Душа, совесть, правосознание нуждаются не в законе, а в нравственном возвращении и очищении. Только действенное правовое воспитание с опорой на нравственные и религиозные ценности может быть фактором снижения преступности, а потом и минимизации положительных установлений. Волонтаризм законодателя и правовой романтизм всячески отрицался консерваторами как ошибка рационалистического сознания.

Консервативных мыслителей России нельзя считать сторонниками юридического нигилизма, поскольку в действительности ими признавалась ценность закона в воспитании правосознания личности и искоренении зла в общественной жизни. Поэтому не случайно, что, зачастую, консерваторы – сторонники твердого правопорядка и законности. Но, охранители не превращали закон в фетиш, объект поклонения и идеализации. В положительном праве они видели неизбежную, но низшую ступень в достижении нравственного совершенства. Принятие закона – есть его преодоление, поскольку отныне человек живет не по формальным правилам, а по совести, на основе автономного закона собственного сердца, для которого внешний закон утрачивает значение. Но те люди, которые еще не достигли свободного принятия закона, так и останутся в его тесных пределах, пока их духовный мир не воспитает в себе чувство правды, идею праву

как справедливости и волю к достижению права в жизни.

Наряду с охранительным потенциалом русская правовая ментальность несет в себе богатый нравственный потенциал сверхнормативного, жертвенного поведения людей. Закон определяет минимальные, усредненные формы человеческого поведения по принципу минимального вреда и добра, а русская духовная традиция основана на стремлении к жертвенному, христианскому служению другим людям. Так, М.В. Шахматов убедительно на основе изучения древнерусских произведений доказывает существование в русской культуре православного идеала князя-подвигоположника, жертвующего своей жизнью, здоровьем, материальным благополучием ради спасения русского общества, водворение правды в русской жизни[3].

Поэтому не случайно, что формальный закон ассоциировался в русской охранительной правовой мысли с душевными, стеснительными узами. Жертвенность, сострадательность не могут сдерживаться минимальными юридическими требованиями.

Поэтому духовно добродетельные люди отвергают какое-либо значение закона в своей жизни, не видят в нем абсолютной ценности. Закон создан для духовно слабых людей, не способных жить по нравственным заветам добра и справедливости. Этих людей закон удерживает от совершения зла другим членам общества. Вследствие чего традиционалисты отводят внешней правде роль борьбы со злом безнравственных людей, но не самодовлеющего принципа общественной жизни. Справедливо в таком контексте мнение Р.В. Насырова о том, что доминирующей функцией права является охранительная функция – охрана нравственного порядка от нарушений и зла [4].

Именно в этом смысле можно признать соответствующим русской традиции права возрождение в XIX и конце XX вв. суда присяжных, ранее известного как суда с участием послухов или целовальников в Московском государстве. К тому же суд присяжных находит поддержку в традиционной для русского мировоззрения идее оценки поступков человека по совести, нравственному убеждению, а не основании формального юридического акта, что и показали «незаконные», но совестные решения дел Веры Засулич, еврея Бейлиса и многих других.

В деле В. Засулич адвокат П.А. Александров в своей защитной речи оправдывал «юридическое» преступление с нравственных позиций: «Что был для нее Боголюбов? – спрашивал он. – Он не был для нее родственником, другом, он не был даже ее знакомым, она никогда не видела и не знала его. Но разве для того, чтобы возмутиться видом нравственно раздавленного человека, чтобы прийти в негодование от позорного глумления над беззащитным,

нужно быть сестрой, женой, любовницей?»[5]. Покушение на Ф.Ф. Трепова хотя и самоуправство, но с нравственной стороны – восстановление справедливости, акт осуждения несправедливого наказания арестанта Боголюбова, не снявшего шапку перед градоначальником.

Следование в процессе правоприменения совести, внутреннему правовому чувству в русской духовной традиции обуславливает решение юридического дела не только с опорой на справедливость, идею воздаяния, возмездия, но и милость к человеку. Поэтому не случайно, что нередко в российском юридическом процессе, особенно в суде присяжных, воздаяние уступало место милосердию, прощению преступника (дело Веры Засулич, дело о хищении чайника батюшкой и др.).

Поэтому вместо суда присяжных консерваторы предлагали ввести суд совести, который бы разрешал дела не на основании формальных норм, а с учетом представлений о справедливости и совести. Как совершенно верно заметил А.С. Карцов: «Далеко не все значимые для правоприменителя (присяжного заседателя, коронного судьи) морально-этические побуждения признавали достойными перевешивать предписания закона, но лишь те, которые предоставляли традиционным ценностям лучшую в сравнении с позитивной нормой защиту. Именно об этом вели речь консерваторы, противопоставляя законность «душевную» законности «формальной», порицая юридический формализм, убивающий «сердечное согласие», и утверждая, что в суде «не должно быть формализма, но должно быть сердечное отношение» и т.д. Однако «совести, торжествующей в суде присяжных, в которых консерваторы все чаще видели проводников «антигосударственных» тенденций, в таких достоинствах отказывалось. В этой связи они настаивали на учреждении суда «совестного», разрешающего дела, в отличие от «формального» суда, не по норме закона, а по совести, в соответствии с представлениями о справедливости» [6].

В консервативной правовой традиции России характерной идеей было сочетание справедливости и милосердия, поиск между ними гармонии, иначе они могут превратятся в свои антиподы. Так, русский мыслитель XVI в. Федор Карпов отмечает, что правда как действие справедливых законов должна сочетаться с милосердием к оступившимся людям. Но, и милость должна быть справедлива, иначе дает возможность для развития порока и греха: «все делается правдой, и милостью, и истиной. Из-за милости ведь предводитель и князь подданными весьма любим, а из-за истины его боятся. Ибо милость без правды есть малодушество, а правда без милости есть мучительство, и оба они разрушают царство и всякое общежитие. Но милость, правдой

поддерживаемая, а правда, милостью укрощаемая, сохраняют царю царство на многие дни».

Милосердие, превосходящее справедливость как воздание, создает условия для прощения, раскаяния, духовного перерождения правонарушителя. Милость неравнозначна мягкости, слабости, напротив, показывает силу духа человека – умение прощать и давать надежду на раскаяние и совершенствование человеческой природы. Милосердие в судебной практике восходит к христианской идее всепрощения и соборности. Преступный акт в концепции соборности – есть не только разрушение соборной связи, но и общая для всех людей беда. Принцип «все за всех виноваты» требует не просто наказания за преступление, но и общие, солидарные усилия общества по духовному воспитанию оступившегося и возврату его в общество.

Одной из форм признания автономного, совестного действия права в истории русского права можно признать существование на рубеже XVIII – XIX вв. совестных судов. Совестные суды были введены 7 ноября 1775 г. «Учреждениями для управления губерний». Совестным судам поручалось рассмотрение тех уголовных дел, в которых преступление было результатом стечения обстоятельств или совершенных несовершеннолетними, безумцами. В гражданских спорах совестный суд мог использоваться в целях примирения сторон. В качестве особой функции совестных судам поручалось контролировать случаи помещения в заключение невиновных лиц. В п. 397 главы 25 Учреждения управления губерниями были предусмотрены помимо закона нравственные принципы судебного разбирательства:

- человеколюбие;
- почтение к особе ближнего, как человеку;
- отвращение от угнетения или притеснения человечества, и для совестный суд никогда судьбы ничьей да не отяготит, но ввернется оному совестный разбор и осторожное и милосердное окончание дел ему порученных.

Таким образом, на совестный суд возлагалось разрешение дела по совести и милосердию – внутреннего чувства правды по отношению к подсудимому или сторонам гражданского процесса.

В гражданском споре совестный суд должен был выполнять функции, аналогичные роли мирового суда – примирения истца и ответчика – внесение мира как умиротворенности, прекращения конфликта между людьми. В отличие от государственного суда, как правило, определяющего одну сторону в качестве правой, не снимая сам конфликт, совестный суд должен был примирить стороны, даже если отступал от формальной справедливости. В Учреждении для управления губерний в обязанности совестного суда по гражданским делам

вменялось: 1) доставить обеим сторонам законную, честную и безбоязненную жизнь; 2) злобы, распри, ссоры прекратить; 3) доставить каждому ему принадлежащее; 4) облегчить судебные места примирениям тяжущихся сторон [7].

После судебных реформ Александра II, религиозно-нравственные идеалы находили применение в деятельности трех судебных учреждений:

- судов присяжных, что подтверждается рядом оправдательных приговоров, основанных на милосердии, нежели справедливости;
- мировой юстиции, в задачи которой входило примирение стороны;
- крестьянских волостных судов, которые применяли обычное право, являвшееся формой народного воззрения на право, закреплением совести.

В советскую эпоху подобие совестных судов имели товарищеские суды (суды коллективов на предприятиях и в селах) и суды чести в системе МВД и военном ведомстве. В современную эпоху начала интуитивного, совестного права могут воплощаться через такие формализованные институты как:

- суд присяжных (в том числе, в виде наличия снисхождения к подсудимому);
- мировой суд при переносе акцента на функцию примирения с существующей задачей обеспечения доступности правосудия и разгрузки судов общей юрисдикции;
- третейские суды;
- институт медиации как альтернативного разрешения споров;
- аналогия права в ситуациях пробелов в законе в рамках частного права как поиск духа, смысла права, т.е. первоосновы права – нравственной справедливости, совести, милосердия, добра и мира;
- оценка доказательств на основании правосознания судьи;
- вынесение приговора по уголовному делу на основании справедливости;
- институт помилования осужденных Президентом РФ;
- институт прекращения уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием, примирением с потерпевшим;
- институт условно-досрочного освобождения при раскаянии осужденного.

Принцип доброй совести прямо предусмотрен в качестве нормативного критерия для разрешения юридических споров в ситуации пробела в гражданском законодательстве. Правда, трактовка доброй совести специалистами в гражданском праве ограничивается тем, что субъекты права должны при осуществлении гражданских прав и обязанностей вести себя таким образом, чтобы не причинять вред законным интересам других лиц. В то время

как добрая совесть включает в себя не только разумное, но и жертвенное, бескорыстное поведение, прощение, милосердие.

Важно то, что нарушение кодекса профессиональной этики, в том числе начала добросовестности, позволяет инициировать процедуру применения мер дисциплинарной ответственности в отношении нарушителей, вплоть до отставки. Таким образом, несомненно, что совесть, добросовестность является мощным фактором правообразования и правореализации, обеспечивая законность и справедливость правового регулирования общественных отношений.

Более наглядна роль традиционных средств социального регулирования в России проявляется при анализе преступности в России до эпохи модернизации России в ходе реформ Александра II, прежде всего, первых попыток разрушения традиционной крестьянской общины. Системе социального регулирования традиционной России удавалось обеспечить общественный порядок и низкий уровень преступности, тогда как модернизация и реформы в России повлекли за собой быстрый рост преступности, когда традиционные механизмы социального регулирования стали терять свое значение в силу доминирования государственного закона.

Историк Б.Н. Миронов отмечает: «В стабильном, традиционном обществе, в котором население привязано к месту жительства и своим общинам, мало развита городская жизнь, существует строгий социальный контроль, социальная структура иерархизирована, вертикальная социальная мобильность низка, общинные связи сильно развиты и общественные цели преобладают над личными, обычно наблюдается низкая преступность. Наоборот, для индустриального и урбанизированных обществ, в которых население социально и географически подвижно, доминируют общественные связи, сильно развит индивидуализм, личный успех является важнейшим в системе ценностей, население располагает большей свободой и инициативой, характерна более значительная преступность. Но особенно высокого уровня преступность достигает в обществах, испытывающих серьезные изменения в культурных, социальных и политических ориентациях, в которых трансформируется господствовавшая прежде система ценностей, где значительное число людей являются маргиналами» [8].

Приверженность современного российского правосознания охранительным правовым идеалам все чаще подтверждается научными исследованиями, данными социологических опросов. Так, исследователь сущности и эволюции российского правосознания Т.И. Демченко, говоря о конфликтности официального правосознания,

ориентирующегося на либеральные западные правовые ценности, и народного правосознания, остающегося верным традиционным правовым идеалам, пишет: «Чтобы не произошла утрата национальной государственности и российской идентичности, олицетворением которой является правовое сознание, российская государственность непременно должна перейти в другую фазу, основанную на признании единства и равновеликой значимости прогрессистских и охранительных идеи. В фазу сохранения измененного в государственно-правовой жизни и самой этой жизни, без которого (сохранения) теряется смысл любого изменения. В фазу государственной организованности, устойчивости и стабильности» [9]. Причем, ученый приходит к выводу о том, что для российского правосознания характерен консервативный инстинкт, подсознательное стремление к сохранению, сбережению национальной культуры и государственности, порядку и стабильности.

Данные социологических опросов в России последних 20 лет в целом подтверждают господство традиционных установок и ценностей:

- приоритет стабильности над свободой (в 2014 г. по опросу ФОМ 76 % опрошенных отдали предпочтение стабильности над свободой)[10];

- ценности справедливости (опросы различных социологических фондов постоянно демонстрируют высокую потребность россиян в справедливости, причем большая часть россиян считает устройство современной России несправедливым – около 70-80 %)[11];

- милосердие и благотворительность;

- соборность;

- сильное государство (державность) (последние опросы 2014 г. показывают, что 2/3 россиян хотели бы видеть в России сильное, державное государство)[12].

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Администрации Алтайского края в рамках научного проекта №13-13-22001.

Библиографический список:

1. Честнов И.Л. Актуальные проблемы теории государства и права: Исторические предпосылки и эволюция государства и права. – СПб.: ИВЭСЭП, Знание, 2005. С. 17 – 18.
2. Ильин И.А. Собрание сочинений: В 1- т. Т.4. – М.: Русская книга, 1994. С. 205.
3. Шахматов М.В. Государство правды. – М.: Изд-во «ФондИВ», 2008. С. 5 – 49.
4. Насыров Р.В. Человека как самоценность. К формулировке ст.2 Конституции РФ. – Барнаул.: Азбука, 2008. С. 270
5. Троицкий Н.А. Корифеи российской адвокатуры. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. С. 183.
6. Карцов А.С. Судебная реформа 1860-х гг.: консервативная оценка//Государственно-правовой опыт России: соотношение самобытного и заимствованного./Под ред. В.В. Сорокина. – Барнаул.: Изд-во Алт. ун-та, 2013. С. 76
7. Российское законодательство X-XX веков. В 9-ти т. Т.5 – М. : Юрид. лит., 1987. С. 286 – 287.
8. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2-х т. Т.2. – СПб.: Изд-во Дмитрий Буланин, 1999. С. 78 – 79.
9. Демченко Т.И. Правовое сознание в древнерусской и российской государственно-правовой жизни. – М.: Юрлитинформ, 2013. С. 297 – 298.
10. <http://fom.ru/obshchestvo/11327>
11. <http://fom.ru/obshchestvo/10263>
12. <http://www.levada.ru/17-03-2014/pozitsii-rossii-na-mirovoi-arene>.